

Ю.А. Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Поколение 1870-х как интерпретирующее сообщество. Семинаристы между нормальной программой и проектом саморазвития (случай Архангельской духовной семинарии 1870-1874 гг.)

Представленное исследование реализуется в рамках истории чтения, что определяет смещение фокуса с текстов (что читали) на читательские практики (как читали и, главное, что прочитывали). В центре внимания находится поколение 1870-х годов – общность людей, для которых чтение определенного набора книг было «поколенческим критерием идентификации» (Б. Эклоф, Т. Сабурова). Такой выбор позволяет охватить более широкую группу, чем только участники движения революционного народничества, с которыми ассоциируется это поколение, включив в нее всех, кто так или иначе участвовал в проекте саморазвития через чтение «полезных книг».

Для анализа читательских практик я использую понятие «интерпретирующего сообщества», предложенное С. Фишем. Оно позволяет уйти от исследований текстов, с одной стороны, и индивидуального опыта читателя, с другой, и связать интерпретацию прочитанного с правилами, существуют внутри сообщества, к которому читатель принадлежит. Концепция Фиша объясняет, как возможны разные интерпретации одного и того же текста, и как один человек может принадлежать к разным читательским сообществам.

На основании этих теоретических предпосылок в докладе будут проанализированы практики чтения, реализовывавшиеся учениками Архангельской духовной семинарии в первой половине 1870-х гг. Выбор кейса определяется в первую очередь уникальным комплексом источников, отражающих читательский опыт группы учеников разных классов в течение 1870-1874 гг. В него входят читательский дневник ученика 2 класса Петра Иванова за 1870 г., который, по-видимому, был начат как отчет по внеклассному чтению, введенному в этом году в качестве обязательного для всех учеников. Переписка Петра Иванова и выпускника семинарии 1871 г. Василия Нахорова за 1871-1872 г., в которой Иванов обсуждал переход к осознанному чтению под влиянием старшего товарища, который «дал, так сказать, азбуку к пониманию» в виде Писарева и Шелгунова. Сюда же относятся письма других учеников семинарии разных классов, которые считали уехавшего в Петербург Нахорова своим наставником. Наконец, частью этого комплекса являются 4 номера рукописного журнала «Развитие» и подготовительные материалы к нему за 1874 г., принадлежавшие группе учеников 2 и 3 классов, включая младшего брата Петра Платона Иванова, а также переписка участников событий с Петром Ивановым, уехавшим в Петербург в августе 1874 г.

В докладе будут проанализированы два сюжета, позволяющие реконструировать правила интерпретирующего сообщества, к которому принадлежали архангельские семинаристы. Первый из них связан с первоначальным читательским опытом и теми рамками, которые задавали учащимся нормальные программы обновленного в 1867 г. семинарского курса. Хотя в воспоминаниях - и на их основе в историографии - закрепился тезис о максимальной противоположности семинарской науки и проекта саморазвития, внимательный анализ организации внеклассного чтения, закрепленного как обязательная часть воспитания в семинарии параграфом 134 Устава, позволяет скорректировать этот тезис. Реформированная семинария, обязанная создать новое поколение высокообразованных

пастырей церкви, в течение первой половины 1870-х гг. разными способами пыталась решить задачу приучения своих воспитанников к «серьезному и полезному» чтению. В результате была создана инфраструктура чтения, состоявшая из библиотек, списков полезных книг, письменных отчетов о прочитанном и включения дополнительной литературы в письменные работы. В общем виде ее контуры совпадали с проектом саморазвития, также требовавшего от читателя вести записи о прочитанном, получая не эстетическое удовольствие, а интеллектуальную пользу от книг и статей. Более того, можно обнаружить присутствие некоторых ключевых текстов проекта саморазвития в качестве учебных пособий семинарского курса. Как это оказалось возможно и к чему приводило, в докладе будет показано на примере книги Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы».

Второй сюжет связан непосредственно с читательским опытом Петра Иванова, источниками, из которых он получал книги, и правилами, по которым он вел записи о прочитанном. Меня особенно интересует его рефлексия о резком изменении типа чтения с после одного разговора с Василием Нахоровым. Как показал Д. Аллен, сюжет о преображении читателя под влиянием одной книги или одного человека, является частью автобиографического нарратива и не обязательно отражает читательский опыт. В отличие от исследователей, вынужденных верить или не верить авторам автобиографий, а нас есть уникальная возможность сопоставить записи в читательском дневнике до и после «преобразования» Иванова, произошедшего после обсуждения романа Ф. Шпильгагена «Семейство лесничего».

Реконструкция правил интерпретирующего сообщества, к которому принадлежал Петр Иванов как представитель поколения 1870-х, позволяет существенно усложнить историю политического протеста 1870-х гг. С одной стороны, можно говорить о сложных и неочевидных связях между учебными программами и проектом саморазвития, с которого обычно начиналось вхождение в революционное движение для участников народнических кружков. С другой стороны, реальный читательский опыт, зафиксированный в читательских дневниках, не совпадает с репертуаром чтения, как он реконструируется по мемуарам народников (Л. Колесникова). В последнем случае речь идет о двух типах несовпадения: собственно репертуара чтения и способности понимать прочитанное. Признания 16-летнего подростка, что он не понимает тексты Дарвина и даже Писарева, вынуждают ставить вопрос и об опыте прочтения поколением 1870-х текстов признанных идеологов народнического движения – Лаврова, Бакунина и Ткачева.